

И-29387

Л. БОРИСОВА
Г. НИКОЛЬСКАЯ

КАМСКИЙ НАЙДЕНЬШ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 2
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

Л. БОРИСОВА,
М. НИКОЛЬСКАЯ

КАМСКИЙ НАЙДЕНЬШ

Издательство «Правда»
Москва — 1942

На обложке фотография Н. А. Дуровой

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Л. Борисова, М. Никольская. Камский найденыш	3
Л. Борисова. Ординарец Кутузова—Надежда Дурова	24

Отв. редактор В. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“	Изд. № 72	
A50106	Заказ типогр. 3194	Тираж 150.000 экз.
Формат бумаги 105×148 мм.	Печ. л. 2	Зн. в 1 п. л. 43 200
Цена 30 коп.	Подписано к печати 27/1 1942 г.	
Тип. «Краеное знамя», Москва, Оущевская, 21.		

Л. БОРИСОВА,
М. НИКОЛЬСКАЯ

КАМСКИЙ НАЙДЕНЬШ

(Из времен Отечественной войны 1812 года)

Чуть брезжил рассвет. Кама несла свои холодные волны спокойно и величаво. В белом предрассветном тумане уже начали вырисовываться высокие сосны и кусты шиповника.

Вдоль берега по тропинке ехал всадник. Остановив взмыленную лошадь (как видно, путь всадника был не близкий), он отпустил ее на траву, а сам пошел по крутому обрыву к реке и, сбросив с головы высокий кивер с красным верхом, набрал в пригоршни воду и намочил лицо и голову.

Был он очень молод, русые волосы подстрижены в скобку, по-казацки, лицо матовое с редкими, чуть заметными рябинками, взгляд темносиних глаз глубок. Какая-то печаль лежала на выразительном и смелом лице юноши.

Послышался шорох падающего песка и каменьев. Умная лошадь, осторожно ступая по обрыву,

спустилась к своему ковынну и легко коснулась его плеча своими губами.

— Пей Алкид. — ласково проговорил юноша. — Только много пить я тебе не дам.

Утро обещало быть прекрасным. Туман рассеялся под лучами взошедшего солнца. На другом берегу реки за скошенным полем оказалось небольшое село.

Въезжая в село, всадник увидел у одного дома группу казаков, которые чистили лошадей.

— Здравствуйте, атаманы-молодцы! Скажите мне: как найти вашего полковника?

Казаки указали на новенькую избу с зелеными ставнями. Когда он подъехал к дому, из ворот вышли офицеры. Молодой всадник, ловко осадив коня, отдал честь.

— Которой ты сотни? — спросил у него полковник.

Юноша отвечал, что он еще не имеет чести быть в которой-нибудь из них, но приехал просить полковника об этой милости.

Полковник слушал его с изумлением:

— Я не понимаю тебя: разве ты не числишься нигде? Почему?

— Не имею права.

— Как это казак не имеет права быть причисленным к полку казачьему? Что это за ввдор!

Юноша отвечал, что он не казак.

— Но кто же ты? — спросил полковник, начи-

навший выходить из терпения. — Зачем в казачь-
ем мундире и чего ты хочешь?

— Я уже сказал вам, господин полковник, —
отвечал юноша, — что желаю иметь честь быть
причисленным к вашему полку, хотя бы только
на то время, пока пойдем до регулярных войск.

— Но все-таки я должен знать, кто ты таков,
молодой человек. И сверх того разве тебе не из-
вестно, что у нас никому нельзя служить, кроме
природных казаков?

— Я прошу у вас только позволения в одея-
нии казака пойти до регулярных войск при полку
вашем, — повторил юноша — Я сын гусара, оста-
вил дом отцовский и иду на военную службу без
ведома и воли моих полителей. Я не могу быть
счастлив ни в каком другом звании, кроме воен-
ного, потому я решился поступить по своему
произволу. Если вы не примете меня под свое
покровительство я вынужден буду найти дру-
гое средство присоединиться к армии.

Полковник с участием посмотрел на говоривше-
го.

— Что мне делать? — сказал он вполголоса
обращаясь к седому есаулу — У меня не хватает
духу отказать ему...

— Ни что же отказать? — отвечал добродуш-
но есаул — Пусть идет с нами. Отец я мать его
будут вам благодарны впоследствии за то, что вы
дадите ему приют. С его решимостью и предпри-
имчивостью он попадет в беду, если вы его отпнете.

— Ну, хорошо, молодой человек. — сказал полковник, — ступай с нами. Как твое имя?

— Александр Васильевич Дуров.

— Ну, Александр Васильевич, иди теперь к полку: мы сейчас выступаем. Дежурный, вели садиться на коней!

Вне себя от радости побежал Дуров к своему Алсиду и птицей взлетел на седло. Усталости от долгого пути как не бывало.

Конь, казалось, понимал его восхищение. Он шел гордо, сгибая шею и быстро поводя ушами. Окружающие любовались красотой лошади и ловкостью всадника. Последний, слыша похвалы своей прекрасной черкесской талии, молодецкой гусарской посадке, краснел и смущался. Но вскоре он овладел собой и на все расспросы отвечал твердым и спокойным голосом. Наконец вышел полковник, сел на прекрасного коня своего и командовал:

— Справа по врж!

Поле двинулось вперед. Переднее отделение запело любимую казачью песню — «Душа добрый конь». Меланхолический напев подействовал на молодого всадника. Лицо его стало грустным.

— Вам тяжело? — обратился к нему молодой офицер Вышемирский. — Еще есть время, воротитесь домой.

— О, никогда, никогда я не вернусь, пока не буду иметь право сказать: «И я бился против Бонапарта!» — порывисто воскликнул юноша.

Стояла осень 1806 года. Западная Европа уже находилась под властью Наполеона. Полк, в котором был Дуров, перешел границу Войска Донского и остановился на берегу реки Медведицы.

Дуров все более и более сживался со своей новой, походной обстановкой, только все чего-то стеснялся, хотя ласково и дружелюбно относился ко всем, а своим молодечеством заслуживал общее одобрение. «И ров ему — не ров, — говорили казаки. — Он перепрыгнет любой. И откуда только взялся? Прямо из лесу выскочил. Ух, и леса у Камы, и темень в них! А озера, озера... Как пропасти бездонные.

А и дурак же, братцы, Аполлон: задумал такую махинишу, как наша матушка Рассея, заполонить. Да ему лесной дух, злой Кереметь¹, не даст в своем лесу распоряжаться: вишь, какого сыночка выслал к нам на подмогу».

«Камский найденыш» — любовно прозвали они Дурова.

Большая дружба завязалась у Дурова с молодым черноглазым юношей Вышемирским. Они увлекались охотой и целые дни проводили в зарослях соседнего болота.

Был ясный, необычайно теплый день. Дуров и Вышемирский отдыхали на мягкой, покрытой мхом и желтыми листьями лужайке. Незаметно глаза Дурова закрылись, и он начал дремать. Вышемир-

¹ Кереметь — лесной дух. Предание о нем существовало среди прикамских жителей.

ский молча лежал на траве. Дуров быстро бормотал во сне: «Отец, спаси меня, гону!» Вышемирский дотронулся до груди юноши, чтобы разбудить его, и с изумлением отдернул руку: он ощутил грудь женщины.

— Алексаша, Алексаша! — сказал он взволнованно.

Дуров с испугом отер глаза и никак не мог понять, где он находится.

— Ты так кричал и стонал, что я разбудил тебя.

— Я видел во сне войну, Наполеона, — говорил Дуров вставая. — Пойдем-ка скорее домой да зажарим нашу дичь: я страшно хочу есть.

Они взяли ружья и направились к слободе. У самой реки увидели серую аршина в полтора гадюку. Вышемирский вскинул ружье, но Дуров сделал ему знак остановиться и, вынув шомпол, тихо приблизился к змее. Змея быстро поползла в траве; юноша забежал вперед, встал перед ней. Гадюка кинулась на него. Дуров ловко увернулся, одной рукой прижал змею шомполом к земле, другой схватил у самой головы за шею и поднял на воздух. Змея, стараясь ужалить его, отчаянно извивалась. Юноша о силой бросил гадюку на землю и раздавил ей голову.

— Вот так мы раздавим и Наполеона! — воскликнул он.

«Прямо бес какой-то! — думал Вышемирский, глядя на смелого друга. — А я еще воображал, что это женщина!»

— Готовьтесь к походу! — сказал полковник, увидев возвратившихся с охоты друзей. — Я получил повеление идти в Гродненскую губернию. Завтра эскадрон наш выступит из квартир

В Гродно Дуров вступил в один из уланских полков. Первая стычка, в которой он принял участие, произошла 22 мая 1807 года под Гутштадтом, небольшим городком в Восточной Пруссии. Во время боя Дуров заметил русского офицера, отчаянно отбивавшегося от четырех французских драгун. Перевес был на их стороне, офицер шатался...

Дуров как буря бросился вперед. Его появление с пикой наперевес, на бешеном коне с оскаленными зубами, было так неожиданно, что французы с криком: «Это сам черт!» — разлетелись в разные стороны.

Офицер лежал на земле с открытыми глазами и тихо стонал. Его конь, испуганный пулями, куда-то умчался.

Дуров быстро соскочил с Алгида, отстегнул флягу и брызнул водой в лицо раненому. Придя в сознание, офицер с удивлением спросил:

— Кто вы, мой спаситель? Скажите свое имя.

— Я Дуров. Конно-польского уланского полка. Ваша лошадь убежала. Я помогу вам сесть на моего коня. Поезжайте в обоз и перевяжите раны.

В это время подошел драгун и объяснил, что раненый офицер — поручик драгунского полка

Панни и что он проводит своего офицера в полевой лазарет.

Отправив раненого, Дуров пошел к своему полку, рискуя каждую минуту быть раздавленным.

Две армии сошлись на берегах реки Алле у Фридлянда. Французской командовал сам Наполеон, русской — барон Беннигсен. Беннигсен был болен. Он мечтал спокойно провести ночь. Но там, где расположились полки, не было ни одной лачужки. А на другом берегу можно было найти удобный, комфортабельный ночлег. И хотя наши позиции были здесь сильнее во много раз, Беннигсен решил двинуться за Алле несмотря на возражения Багратиона.

За ночь переправа была закончена, а утром на поле битвы к корпусу Нея подошла вся французская армия во главе с Наполеоном. Заговорили замаскированные кусты и пригорки, французские пули косили солдат, но стойко держалась беспаспортная, голодная русская армия. Место упавших заступали их товарищи, смыкались плотнее, шли лавою.

Впереди шел Багратион.

— Ребята, за мной! — крикнул он.

И они бросились за ним сквозь огонь французской артиллерии. Но все было напрасно.. Только в самый разгар битвы Беннигсен понял, какую

огромную ошибку он совершил, перейдя на этот берег. В отчаянии он приказал отступить.

— Бейте отступление! — закричал адъютант Беннигсена Горчакову, командующему правым крылом.

— Скажите главнокомандующему, что для меня нет отступления, — ответил Горчаков и пустил кавалерию в атаку.

Из-за дыма показались движущиеся колонны. Французские драгуны спшиблись с русскими уланами. В первой линии неся Дуров. Его эскадрон еще не снялся с места, а он уже кинулся вперед, в самую гущу битвы. Смерть свосила многих. Но русские не сдавались. Гудели орудия, умирали люди. Остатки Конно-польского полка были вынуждены отойти. Русские войска отступали за Неман.

Под Фридляндом сильно поредели лучшие русские полки. Царь Александр, опасаясь войны на территории России, принял предложение Наполеона об открытии мирных переговоров.

После заключения Тильзитского мира казачий полк Вышемирского должен был направиться в Тульчин, а полк Дурова — к Витебску. Последний вечер друзья решили провести вместе. Они ушли в поле, сели у стога сена, пустив своих лошадей пастись поблизости.

— Итак, кампании конец! — оказал Дуров. — Надолго ли? Еще заставит Наполеон поднять Россию грозное оружие свое. Чем я буду до того времени? Как далека действительность от мечтаний! Так много хотелось совершить...

— Ты и так много сделал, Алексаша! — ласково сказал Вышемирский.

Оба задумались. Они вспомнили реку Медведицу, свою охоту, свои споры, свою последнюю прогулку по лесу.

Ночь была полна летних шорохов, обружающие предметы смутно виднелись на фоне темнеющего неба. Пахло свежим сеном.

Вышемирский первый прервал молчание:

— Алексаша, ты не обидишься? Мне очень тяжело расстаться с тобой, не выяснив одного сомнения...

Он запнулся и замолчал.

— Да что лукавить? У меня не сомнение, а уверенность, что ты не то, за что выдаешь себя.

— Я давно собираюсь все рассказать тебе, Гриша, — ответил Дуров. — Ты прав, я не Александр Дуров. Зовут меня Надежда Дурова. Расскажу тебе свою жизнь с самого раннего детства.

Мать моя была одной из красивейших девушек в Малороссии. Из женихов, искавших ее руки, она отдала предпочтение гусарскому ротмистру Дурову. К несчастью, с этим выбором не был согласен отец ее, гордый, властолюбивый малороссийский пав. Мать убежала ночью и обвенчалась с отцом в соседнем селе. Мой дед проклял ее за брак с «москалем».

Вскоре моя мать почувствовала, что у нее будет ребенок.

— У меня родится сын, прекрасный, как амур.

И назову его Модестом. Он будет утехой всей моей жизни... — говорила мать.

Но, увы, появился не сын, а дочь. Разочарованная мать не стала меня кормить грудью и отдала на попечение няnek.

Мне было четыре месяца, когда полк отца получил приказ идти в Херсон. Мы поехали за ним в карете. В дороге мне давали коровье молоко, а во время ночлегов крестьянки кормили меня грудью. Таким образом, у меня на каждом переходе была новая кормилица. Понятно, я не могла быть покойным ребенком.

Однажды мать моя была в очень дурном расположении духа: в поход вышли на заре, матушка расположилась заснуть в карете, но я начала плакать и несмотря на все старания успокоить меня кричала час от часу все громче. Мать вышла из себя и, выхватив меня из рук девушки, выбросила в окно.

Гусары подняли меня всю окровавленную. В это время подсказал отец. Я лежала без признаков жизни. Он привел меня в чувство и сказал матери:

— Радуйся, что ты не убийца. Дочь твоя жива, но я тебе ее больше не отдам.

С этих пор отец сам стал выхаживать меня. Помогал ему гусар Астахов. Я росла среди кавалеристов, и не мудрено, что с раннего возраста научилась ездить верхом, стрелять из пистолета и страстно полюбила походную жизнь.

Когда мне исполнилось десять лет, моя матушка решила, что пора заняться моим воспитанием, и взяла меня к себе.

Тут началась такая жизнь, о которой я не могу вспомнить без содрогания. Я все время находилась под строгим надзором и переносила самые унижительные наказания. Для матери также наступило тяжелое время: всякий день я сердила ее «рыцарским духом своим». Когда матушка хотела заставить меня вязать, я с плачем кричала, чтобы она дала мне пистолет, бегала и скакала по комнате, командуя: «Эскадрон, направо заезжай! С места марш!»

Тетки мои хохотали, а матушка выходила из себя.

Я ей так надоела, что в конце концов меня отправили к тетке в Малороссию, где я и прожила четыре года.

Это было моим спасением. Тетка меня очень полюбила, а так как для того времени она была женщина довольно образованная, то учила меня читать и писать по-французски, а также продолжала заниматься со мной по-русски.

Я перечитала всех французских писателей, а также много русских книг в обширной библиотеке моего деда. Новый мир открылся перед моими глазами. Я начала вести дневник.

К сожалению, у отца с матерью начались раздоры, и мать решила вернуть меня домой, надеясь улучшить этим свои отношения с отцом. Ма-

бушва была приятно поражена переменой моих манер и внешнего облика. Но, разговаривая со мной, она имела неосторожность каждый день твердить мне о безотрадной участи женщины. По ее мнению, выходило, что женщина лишена всяких совершенств, исполнена слабостей и ни к чему не способна. Былая красота моей матушки поблекла, а дурной характер и нетерпеливость оттолкнули от нее моего доброго отца, который стал ей изменять. Ее раздражение все направилось на меня.

В это время отец подарил мне моего Алкида, с которым я проводила все время: кормила его, ходила за ним и скакала верхом по всем окрестностям. Моя мать сначала запрещала мне ездить одной, даже строго наказывала меня, но потом махнула на меня рукой.

Как только мне исполнилось шестнадцать лет, мать поспешила выдать меня замуж за молодого чиновника, секретаря суда. Замужество принесло мне одни огорчения и не дало более свободной жизни, которую я воображала найти, выходя замуж.

Через год у меня родился сын. Как только я кончила его кормить, ребенком несмотря на мои протесты завладела свекровь. Супружеская жизнь сделалась для меня невыносимой и бесцельной.

Годы шли. По всему миру разнеслась весть о Наполеоне. Дошла она и до нашего маленького городишка Сарапула. Я решила идти на войну

Ваш поке проходил мимо Сарапула. Я бежала из дому.

17 сентября, в день своих именин, я перед сном горячо простилась с отцом, поцеловала, к великому изумлению матери, ее руку и ушла во флигель в сад, где была моя комната. Там я обрезала косы и переделалась в казацкий костюм.

При помощи денщика Артема я вывела Алёнда из конюшни. Упросила Артема сказать отцу, что я жива, но уезжаю надолго. Остальное ты знаешь...

Вышемирский взволнованно схватил руку Надежды и сказал:

— Я уже давно люблю тебя... Никто, кроме тебя, Надя, не будет моей женой.

Он крепко обнял ее, и долго оба сидели молча. Короткая летняя ночь кончилась. Небо посветлело. Раздался сигнал горниста. Надо было расставаться.

— Вот и кончилось наше короткое счастье, — сказала со вздохом Дурова.

— Я не хочу думать о конце! — воскликнул Вышемирский. — Я верю, что счастье у нас впереди, моя дорогая Надя, мой незабвенный Алексаша. Сейчас мы будем служить родине и помнить, что сердца наши принадлежат друг другу.

Одновременно с известием о Тильзитском мире в Санкт-Петербург пришло письмо от отца Дуровой, где он просил вернуть ему его дочь Надежду, бежавшую из дому и поступившую в уланы.

Дурову вытребовали в Петербург к царю. Александр I нашел неудобным присутствие девушки-улана в своих войсках и хотел отправить Надежду домой. Но Дурова горячо умоляла разрешить ей и дальше служить родине, и Александр, принимая во внимание ее военные заслуги, дал разрешение... с условием, что она никогда не будет иметь ни мужа, ни любовника и никому не скажет, что она женщина.

Отныне Дуров стал корнетом гусарского полка Александровым и георгиевским кавалером.

II

Стояла зима. Маленькое местечко Туриск, близ города Луцка, около западной границы, было погружено в мрак и тишину. Почти все ставни были закрыты, и только кое-где мелькали сквозь заиндевевшие окна тусклые огоньки. В одном из домиков этого местечка жила Дурова.

После того как она вернулась из Петербурга блестящим гусарским корнетом Александровым, она сняла квартиру из двух комнат с кухней во втором этаже деревянного дома. Ей откомандировали опытного, старого денщика, который держал все хозяйство в своих руках и был недурным поваром.

Сама Дурова не вмешивалась ни во что. Только, к удивлению старого Зануденко, его начальник сам стирал свое белье и сушил ночью около

каменной маленькой печки, топка которой была в спальне.

Вечером, кончив писать дневник, Дурова подвигала свой табурет к горевшей печке и садилась читать какую-либо книгу, которую ей с трудом удавалось достать в этом захолустье. Но в этот вечер она читала не книгу, а письмо, полученное ею от Вышемирского в ответ на сообщение о перемене в ее судьбе.

Зануденко ушел спать. Он души не чаял в своем молодом ласковом хозяине, а у скольких перебывал он за свою трудную солдатскую жизнь! Был у пьяниц, у самодуров, у придирчивых туниц. Почти все зубы у него были выбиты. И вот точно в награду за все свои мучения он попал к доброму, умному и выдержанному офицеру, который не только ни разу не ударил его, но даже и голоса никогда не повышал.

Вся провизия находилась у него в руках. Хозяин не съест без него ни одного сладкого куска, и хотя сам не пьет и рюмки, но время от времени любит угостить старого Зануденко какой-нибудь вкусной, крепкой настойкой.

Зато и старый денщик заботился о своем молодом хозяине. Он очень скоро разгадал тайну Дуровой, но и виду не показал, что знает, кто ссырывается под корнетом Александровым, и скорее бы умер, чем кому-либо рассказал об этом.

Он охранял своего начальника во всех мелочах. Если слышал шаги по лестнице и убеждал.

ся, что посетитель или посетители навеселе, он не пускал их в квартиру. Если гости засиживались дольше положенного, старый денщик отперывал дверь и заявлял: «Александр Андреевич, ваше высочородье, вы приказывали разбудить нас в 5 часов». И гости, как по сигналу, смеясь, расходились.

Отсланный Дуровой спать на свою походную акуратную постель в теплой кухне, старик ворчал: «Вот теперь до утра будет читать, а встает чуть свет».

Прочитав несколько раз письмо Вышемирского, Дурова стала смотреть на догорающие угольки в печке и живо представила себе умное лицо друга. Он писал ей, что чувства его неизменны, что их чистая любовь не имеет ничего общего с современным браком, сладость которого она уже испытала, что каждый раз, когда он смотрит на Большую Медведицу, он вспоминает их прогулки, споры и погружается всей душой в воспоминания прошлого.

Дурова встала и начала писать. «Я также, — писала она, — часто люблюсь нашим дивным созвездьем; оно все то же, так же блистательно, те же семь звезд, на том же месте, — одним словом, оно все то же. А я? Сколько происшествий, сколько перемен с того времени! Пройдут года, пройдут десятки лет — оно все то же, но я? Мысль моя перенеслась в будущность через

шестьдесят лев вперед, и я испугалась. Кивер, забля, рьяный конь! Восемьдесят лет!»

Вместе с утренним чаем денщик подал Дуровой пригласительную записку от соседнего помещика на маленькую вечеринку. Дурова с увлечением танцевала как на помещичьих вечеринках, так и на военных балах. Стройный, живой гусар Александров имел живой успех у девиц и дам.

Быстро кончив свой завтрак, Дурова вышла на крыльцо, у которого ее ждала оседланная лошадь. Вечером в гости, а сейчас надо ехать на занятия со своим взводом.

Стоял мягкий, ясный зимний день. Она невольно сравнивала зиму на берегах Камы с зимой в Польше, где она сейчас находилась. Там, в камских лесах, и среди лета нельзя было забыть о зимней стуже. Там она всегда близка к нам, наша зима, настоящая русская зима. Страшная, все мертвящая, а здесь она так коротка, так несходительна.

Та жизнь, которую вела Дурова у западной границы, была ничуть не похожа на первые годы ее боевой жизни. Там ежеминутная опасность смерти, переходы с одного места на другое, встреча лицом к лицу с наполеоновской армией, кровавая речка Алле. Там люди как бы сжигали все свои мелкие мысли и недостатки в очищающем пламени битвы. А здесь дни тянулись медленно, наполненные суетными и однообразными впечатлениями. «День за днем будто дождь дож-

дня, а неделя за неделей как река бежит, а год за годом как трава растет», — повторяла Дурова свою любимую народную поговорку.

Прошло четыре года. Шел 1811 год. Дурова сжилась, полюбила свой полк. И полк в свою очередь уважал корнета Александрова за скромность, отвагу и доброе сердце. Бурцев, про которого Давыдов написал: «Бурцев, ера-забияка, собутыльник дорогой...», — становился при Александрове неузнаваемым. Но Дуровой не доставало двух вещей: Алкида и денег. Ее любимый конь погиб трагической смертью, наскочив на кол. При награждении ее георгиевским крестом царь обещал ей денежную помощь. Первое время ей высылали деньги аккуратно, но так как Дурова была не из тех людей, которые умеют выпрашивать, то спустя несколько лет в Петербурге о ней почти забыли. Посланных денег не хватало даже для жизни самого скромного гусара, каким была Дурова.

Ранней весной 1811 года, во время своего отпуска, Дурова поехала в Петербург к военному министру и напомнила ему обещание царя. «Если бы не крайность, — добавила она, — я никогда бы не решилась сама напомнить о себе».

Барклай де Толли, который в это время занимал пост военного министра, дал ей пятьсот рублей, говоря, что государь считает эту сумму вполне достаточной для обмундирования. Что же было делать Дуровой? Она взяла деньги и с грустью отправилась с аудитором.

На эти деньги только чудом можно было сделать мундир, но так как времена чудес миновали, то ей оставалось одно — перейти из гусарского в уланский полк. Она написала об этом Барклаю де Толли, прося добавить некоторую сумму на переезд из одного полка в другой и уланскую обмундировку.

Разрешение на перевод было дано.

Не хотелось Дуровой расставаться с гусарским полком и снимать блестящий мундир, который ей так шел. Не без сожаления надела она синий колет с малиновым отворотом. Денщик Зануденко отдал Александру в уланы, и старик, сидя на облучке, закручивая седые усы свои, вздыхал. Бедный, он состарился в гусарах!.. Но, приехав в Домбровицу, где стоял Литовский полк, в который Дурова была переведена, и денщик и она несколько утешились. Вид улан, каски, флюгера пробудили в душе Дуровой воспоминания о службе в Конно-польском полку, о незабвенных, счастливых днях первого года ее военной жизни. А Зануденко утешился тем, что не расстался со своим молодым начальником.

Последнее время Дурова начала томиться однообразием полковой жизни, ее пустотой, и поэтому, когда слухи о войне с Наполеоном превратились в уверенность и полк ее был двинут к берегу реки Наревы, она с радостью встретила эту перемену.

В дни первых сражений 1806 г. Дурова относилась и к войне иначе, не так, как теперь. Кровавую реку Алле, битву при Фридлянде, свой ужас при виде страданий безвестных героев-солдат она запомнила на всю жизнь. Ореол, которым когда-то был для нее окружен Наполеон, исчез. Она не находила оправданий кровавой войне, начатой им для захвата и порабощения чужого отечества.

Л. БОРИСОВА

ОРДИНАРЕЦ КУТУЗОВА—НАДЕЖДА ДУРОВА

22 июня, когда в Вильно давали блестящий бал в присутствии царя Александра I, войска Наполеона перешли Неман, и утром следующего дня началось быстрое продвижение французской армии внутрь России. Еще быстрее уходили по приказу Барклай де Толли русские войска. Барклай хорошо усвоил правило Наполеона — «никогда не делай того, чего хочет от тебя противник». Он понимал, что Наполеон стремится к битве немедленной, чтобы уничтожить русскую армию.

Дурова отступала в эскадроне, которым командовал ее старый сослуживец Подъямпольский, горячо преданный своей родине. Он уважал молодого Александрова за то, что тот, как и он, был примером для своих подчиненных и мужественно переносил все лишения наряду с солдатами.

Как нарочно наступила ужасная погода, дождь лил словно из ведра. Все промокли насквозь, но останавливаться не приходилось. Шли дни, шли ночи, все шли голодные, так как есть было нечего. С жалостью глядела Дурова на осунув-

шился лица своих улан. Три дня продолжался бесконечный, безостановочный марш. Силы Дуровой истощились. Она хотела спать, спать, безумно, непреодолимо. При остановках, когда полк задерживался на несколько минут, Дурова соскакивала с лошади, падала хотя на несколько минут на землю. Полк трогался, и она снова вскакивала в седло. Чтобы разогнать сон, она брала записную книжку и, медленно двигаясь, записывала свои впечатления: «Если бы я имела миллион, то отдала бы его весь за возможность уснуть». Но вот ливень сменился палящим зноем, и жажда мучила всех. Хорошей воды не было, а была только застоявшаяся, покрывавшая зеленую и плесенью вода в канавах. Лошади, понуро опустив головы, не пили зеленую, вухлую воду, а люди, бедные, изнуренные солдатки, жадно пьют эту, как назвала Дурова, «адскую влагу». Дурова, набрав воды в бутылку, долго ехала, не решаясь ее выпить, но кончила тем, что залпом проглотила мутную жидкость. Старик Зануденко во время ливня так простыл, что лежал пластом в обозе, и Дурова с остатками воды в своей бутылке поехала его проведать. Старик лежал бледный, с запекшимися губами. При виде своего начальника он радостно оживился:

— Александр Андреевич, ваше высокородие, а у меня для вас гостинчик припасен, — и он вынул из холщевой котомки бутылку со свежей водой.

— Что ты, что ты, пей сам, — взволновалась Дурова. — Я думал, у тебя никакой воды нет, и привез тебе нашу «адскую воду», так мы прозвали эту мутную жидкость. Ни за что не возьму у тебя твоей воды.

Но старик так был огорчен, что Дуровой пришлось отпить полбутылки; вода показалась ей необычайно вкусной. К вечеру к Дуровой подъехал радостно возбужденный Бурцев (гусарский полк, где служил Бурцев, отступал вместе с полком Александра, и Бурцев старался ни на минуту не расставаться со своим Александром).

— Знаешь, — кричал он ему еще издали, — от Давыдова приехал посланный, просит Подъямпольского прислать двух лихих кавалеристов и называет наши фамилии. Подъямпольскому не хотелось тебя отпускать, но я убедил его исполнить просьбу Давыдова и сказал, что буду о тебе заботиться. Сейчас поедem с посланным через ту рощу, что за этим полем.

Дурова была в восторге: однообразный маршрут утомлял. Участвовать в партизанских вылазках Давыдова пленяло живое воображение Дуровой. Густой лес манил к себе прохладой. Рядом с Бурцевым на деревенской небольшой лошадке сидел без седла белокурый, синеглазый парнишка лет 14—15 с необыкновенно серьезным лицом. Путники поехали настолько быстро, насколько это было возможно, пробираясь через лес.

заросли. Еще засветло выехали они в ручью, протекавшему по дну отлогого оврага.

— Здесь придется ночевать, — сказал мальчик, — а то ночью ханцувы вседе рыщут, а на самой заре мы доедем до места.

Ночь быстро стала мерна, не только темна. Костер разводить не приходилось, так как французы могли увидеть дымок, и спешившиеся путники, стреножив лошадей, пустили их в ручью, а сами, завернувшись в шинели, крепко заснули. Чуть забрезжило — они были уже на ногах, но с трудом разбудили Дурову, которая после бессонных ночей спала как убитая и, проснувшись, не сразу сообразила, где она находится; Бурцев, к ее изумлению, протянул ей целую кружку набранной им спелой малины. Вскоре всадники увидели расположенный возле реки ряд маленьких хаток, а недалеко виднелся на пригорке большой белый дом с колоннами и с двумя флигелями по бокам. Дом был окружен парком, к подъезду вела широкая березовая аллея. Бурцев с Дуровой и мальчик тихо пробирались по полевой меже и наконец подъехали со своими лошадьми к овину, в котором их и поставили. Стась (так звали мальчика) положил им сена, взял свою лошадь под уздцы, и они задами направились к небольшому домику, где их встретил старик в синей паневе, с такими же синими глазами, как у внука, и с таким же серьезным лицом, но еще более грустным. Тревогу и заботу отражали его глубоко запавшие глаза.

— Добро пожаловать, — сказал он, кланяясь Бурцеву и Дуровой. — Иди, Стась, да вози матери, она тебя дождалась, подавать на стол гостям.

Он отпер дверь и пропустил Дурову и Бурцева в маленькую чистую комнату с двумя крохотными оконцами. Вскоре появилась не старая еще крестьянка с кринкой молока и горой ржаных лепешек. Вслед за ней вошел, к радости путников, Давыдов. После взаимных приветствий, когда все уже сидели за столом и принялись с апетитом за горячие лепешки на свином сале, Давыдов объяснил, что они находятся во владении богатого польского магната Радзивилла. Крестьяне, наслышавшись, что Наполеон будет освобождать крестьян от крепостной зависимости, поторопились связать своего пана, который был жестоким тираном. Его землю они разделили между собой. Войска Наполеона встретили хлебом и солью. Но каков был их ужас, когда Наполеон освободил помещика и приказал расстрелять зачинщиков, а сам расположился со своей свитой в палатах пана. Обозленный помещик отобрал у крестьян скот, птицу и хлеб и отдал французам. Весть о таком поступке Наполеона разнеслась далеко по соседним селениям. И крестьяне поторопились часть скота угнать в леса, часть порезали. Хлеб зарывали в землю, а сами начали организовывать партизанские отряды. На Давыдова и его товарищей

они смотрели как на спасителей и оказывали им всяческое содействие.

— Скажи, — перебил приятеля Бурцев, — чем мы с Алексашей должны тебе помочь?

— Мне нужно, — отвечал Давыдов, — чтобы Александров, так как у него нет усов, переделался в женскую одежду и с лукошком яиц и жареных лепешек пробрался в близлежащий французский лагерь и рассказал бы мне потом, что он там увидел и услышал. Крестьяне, возмущенные последним поступком Наполеона с ними, ни за какие деньги ничего не продают французам, и поэтому последние будут рады появлению женщины с яйцами. Ведь забранные у крестьян припасы достались верхам, а нижние чины и офицеры пробавляются порцией риса, кой им осточертел, — закончил Давыдов.

Но Бурцев, услышав о том, что его Алексашу Давыдов хочет послать в лагерь, пришел буквально в неистовство и ни за что не соглашался на это. Он так кричал и спорил с Давыдовым и с Дуровой (живое воображение которой перенесло ее во французский лагерь), что Давыдову пришлось напомнить суровым тоном, что он здесь начальник, а Дурова принялась успокаивать огорченного Бурцева и добавила:

— Ведь ты сам знаешь, Вася, что французский язык я знаю настолько, что читаю без словаря. Следовательно, я все буду понимать, что будет говориться, а язык польский я изучил, когда по-

сле прусской кампании прожил четыре года в Польше. Книг русских достать было трудно, и я много читал по-польски, а кроме того, разбегая по разным хозяйственным делам во время маневров, я усвоил и разговорную речь; к тому же, как молодая крестьянка, я буду востанчива и буду отвечать односложно; я уверен, что французы, итальянцы и австрийцы, из которых состоит войско Наполеона, знают польский язык хуже моего. Видишь, все за то, что план Давыдова я выполняю без особого труда.

При последних словах вошла хозяйка и стала звать их помыться в баньке.

— Лучше такой баньки ничего не может быть! — сказал восхищенно Давыдов. — Да, кстати, Алехсаша, я припас тебе женскую одежду по твоему росту. Ты там и преобразишься.

— Только Бурцева я с собой не возьму, — возразила Дурова, — он будет мешать, а без него я быстро вымоюсь и переоденусь, а тогда и он один помоеся.

— Так и сделаем, — отвечал Давыдов, — а я ему дам, чтобы он утешился, стакана два рому, много-то во время дела дать нельзя.

Хозяйка провела в маленькую глиняную мазанку-баньку за огородом молодого гостя и оставила его одного. От предложения прислать помочь ему Стая он также отказался. Только вдобавок к своей новой одежде попросил какую-нибудь легкую шаль. Хозяйка принесла тонкий пестрый ка-

шемировский платок. Когда через полчаса, хорошенько вымывшись и переодевшись в пашеву, с платочком на голове и шалью на плечах, в новых лаптях корнет Александров появился перед Давыдовым и Бурцевым, последние изумились:

— Да ты артист, Александров! Ну кто узнает, что ты бравый молодчик? А право, смугляночка мила? — подмигнул он Бурцеву.

Последний тоскливо вздохнул. Ни ром, ни шутки Давыдова не могли его развеселить: так он беспокоился о своем бесценном Алексаше.

Вскоре появился Стась с двумя плетеными круглыми небольшими корзинками; в одной, завернутые в чистую суровую тряпку, лежали ржаные лепешки; в другой — два десятка свежих яиц, прикрытые зелеными листьями. Стась вялая не только довести Дурову до лагеря, но пойти туда вместе с ней.

Спустившись по скошенному полю и перейдя по мосткам реку, Стась со своей спутницей быстро вошли в густой лес. Дурова как кавалерист отвыкла ходить пешком и с трудом поспевала за спешившим по извилистой тропинке Стасем. От быстрой ходьбы ее бледное лицо запылало ярким румянцем.

— Скоро дойдем, — сказал Стась, повернувшись к запыхавшейся спутнице, но тут же испуганно запылулся.

Послышались треск ломавшихся веток и голоса людей. Путники быстро спрятались в густом ку-

старнике. Скоро показалась из-за угла морда лошади, а потом и весь всадник, а следом — другой. То были французские офицеры-драгуны.

Повинуясь внезапному побуждению, Дурова быстро вышла на тропинку. Испуганная ее появлением, первая лошадь шарахнулась в сторону, но, удержанная сильной рукой всадника, остановилась как вкопанная. Дурова низко поклонилась и сняла листья, закрывавшие корзину с яйцами, а вслед за ней Стась развернул свои лепешки.

— Какое чудесное явление! — воскликнул всадник, быстро соскакивая с лошади. — Наш завтрак был так плох, все обещания Наполеона о различных яствах были мыльным пузырем.

Он вынул из кармана фальшивую ассигнацию и протянул ее Дуровой (французы, собираясь на войну с Россией, запаслись фальшивыми деньгами в надежде на невежество русских). Но Дурова с лукавой улыбкой на губах отрицательно покачала головой. Драгун, ехавший впереди, засмеялся и, соскочив в свою очередь с лошади, протянул девушке горсть серебра, но последняя снова отрицательно покачала головой и, сделав шаг вперед, дотронулась до вызолоченной пуговицы офицера. Последний засмеялся:

— Девчонка не глупа. А какие глаза умные, так и блестят! Ну, куда ни шло,—и, вынув небольшую золотую монету, он протянул ее Дуровой.

Последняя взяла ее и тотчас же тщательно завязала в уголок платка.

— Ну-ка раскошеливайся и плати теперь сам за лепешки, — обратился офицер к слутнику.

Тот вытащил со вздохом серебряный русский рубль.

— И это слишком много, — сказал он хмуро, подавая монету, — нужно сговориться, чтобы она нам носила провизию, да боюсь, что девушка нас не поймет.

— Да хорошо бы зажарить петушка, — сказал первый. — Я сейчас ей объясню. Она все поймет, — и, закричав «ку-ка-реку», он показал ей на свое горло.

Дурова закивала головой в знак согласия и в свою очередь показала рукой, чтобы они следовали за ней.

— Но ведь мы должны спешить донести донесение генералу, — сказал второй офицер.

— Успеем, — отвечал первый. — Сначала съедим наши лепешки, закусим сырыми яйцами. Конечно, омлет был бы лучше.

Съев лепешки и по пяту яиц, они запрятали остальные яйца по карманам и решили сначала доехать, чтобы узнать, где живет их добрая знакомая, и на обратном пути заехать за петухом.

— Как удивятся у нас в полеу, узнав о нашей удаче! Ведь обычно крестьяне ничего не хотят доставлять из провизии и за большие деньги.

Когда они хотели садиться на лошадей, первый пожелал посадить к себе на седло Дурову, но она ловко увернулась и, вскочив легко и свободно

на лошадь, поехала впереди второго всадника одна. Офицер хотел вскочить к ней сзади на седло, но Дурова, тронув лошадь под уздцы так, что она отскочила в сторону, показала ему жестами, чтобы он шел рядом.

— Ай да амазонка! И как сидит в седле! — восхищался, смеясь, юноша.

Товарищи шутили и весело разговаривали всю дорогу.

Задами они подъехали к тому же овину, где стояли лошади наших путешественников. Здесь Дурова, соскочив с лошади, жестом пригласила их с собой в хату. Но второй офицер остался со Стасем сторожить лошадей, сказав первому, что он никогда свою лошадь не доверит чужому.

— Да ведь это село занято нашими, — сказал первый офицер, — чего же ты опасаться? Ну, да как хочешь, а я пойду. Да, и сказать по правде, я не прочь бы завязать маленький роман с нашей миленькой спутницей: такой живчик! — с этими словами он пошел за Дуровой, которая шла, скромно опустив глаза, с видом полного непонимания.

Перед дверью она обернулась к офицеру и, пропустив его вперед, быстро толкнула дверь. За столом сидели Бурцев, Давыдов, его помощник — молодой гусар — и дед Стася. Такое быстрое возвращение Дуровой в обществе французского драгуна так поразило их, что они замерли на мгновение. Давыдов, одомнившись, бросился к офице-

ру и схватил его за руку. Но последний даже не сопротивлялся и смотрел остановившимися глазами на Дурову, которая по-французски объяснила ему, что ему бояться нечего, так как он ее пленник.

— Как бы не ускакал второй! — сказала озабоченно Дурова. — Вы не показывайтесь. Я пойду один — он не догадается, — а вы вылезайте в окошко и обойдите сзади овина.

Выбежав на крыльцо, Дурова увидела, что Стась и незаметно ушедший дед уже связывали лежащего на земле офицера. Стась объяснил, что у него в овине лежала веревка с петлей, которой они обычно ловят скот. В тот момент, когда драгун спокойно закуривал папироску, он накинул ему сзади веревку и при помощи подбежавшего деда связал его. Дурова сказала пленнику несколько успокоительных слов. Прибежавшие Давыдов и Бурцев свели офицера в хату, где ему развязывали руки.

Хозяйка накрыла на стол и принесла целую жаренную ногу баранины.

— Я съем ее один, — шутила Дурова, — я так проголодался от моей утренней прогулки. Я даже сначала с вами пообедаю, а потом уже переоденусь.

Пленников пригласили любовно за стол, и когда они выпили по стакану рома, их испуганные лица прояснились.

— Французы — неприятель, достойный нас, —

сказала Дурора, — благородный и мужественный; но злой рок в виде Наполеона ведет их в Россию. В ней они положат головы свои; рассыплется их кости и истлеют тела.

— А что ты думаешь делать с пленниками? — спросил Бурцев Дурову.

— А вот догоним войско, и я отправлю их с Зануденко на Украину: там у него домик. Он совсем болен, срок службы кончился, он одинок. Они поедут с ним и, пока продолжится кампания, будут помогать ему. А там, если останусь жив, то я сам обещал Зануденко навестить его.

— Вот что, — сказал Дуровой Давыдов (пока она разговаривала с Бурцевым, он узнал из донесений, найденных у пленников, и из разговоров с ними расположение войск Наполеона и их продвижение), — поезжай немедленно к Штакельбергу с моим письмом.

— Сейчас, только переоденусь, — отвечала Дурова и быстро побежала в баньку за огородом, где оставила свой уланский мундир.

Его там не было. Спросила хозяйку, Стася — никто ничего не знал. Вырвав клочок из записной книжки, она написала Бурцеву, прося уступить ей на время его гусарский мундир.

Когда вернувшийся Стась принес ей мундир, она просила Стасю пойти разузнать хорошенько, куда мог исчезнуть ее уланский мундир. Мальчик убежал, а она быстро переделалась в гу-

сарский мундир. Бурцев был одного с ней роста, только плотнее.

Каково было изумление пленных, когда они увидели превращение молодой крестьянки в гусара. Они, не зная русского языка, обедая с Дуровой, продолжали считать ее женщиной. Но тут прибежал взволнованный Стась:

— Уланский мундир украден из бани панским приспешником, который отнес его в барский дом. Надо вам уходить и нам с вами, а то нас все равно убьют.

— Я знаю, что делать, — отвечал Давыдов. — У меня припрятаны французские мундиры, мы переоденемся в эти мундиры и отвлечем внимание тех, кто будет нас преследовать. А ваша семья с пожитками за это время успеет скрыться в лесу. А ты, Александров, скачи с донесением к начальнику.

Стась подал лошадь Дуровой к крыльцу, и она ускакала. Давыдову с Бурцевым удалось не только отвлечь внимание нападающих, но в свалке, которая произошла, был убит тиран-помещик, а семья Стася со скотом и пожитками благополучно скрылась в лесу.

Дурова догнала свой полк, когда он уже входил в Смоленск. Сведения, доставленные Дуровой, были очень нужны Штакельбергу, но педантичный немец не мог удержаться от того, чтобы не сделать замечания Дуровой, что она одета не в вой мундир, в котором ей следовало быть

Дурова в битве под Смоленском, как и обычно, проявила необычайное мужество: ходила в атаку в первых рядах, прикрывала отступление войска от Смоленска, — и скакавшие сзади ее драгуны чуть не прокололи ее пиками. Но ее конь вихрем унес ее от неприятеля. Силы французов настолько были многочисленны, что несмотря на стойкость и храбрость русских Смоленск был взят и 8 августа 1812 года представлял собой груды развалин.

Соединившиеся армии Багратиона и Барклая де Толли отступили от Смоленска. Это вызвало большое недовольство среди русского общества. В Царево Займище прибыл новый главнокомандующий — Кутузов, соратник Суворова. Царь не перебаривал Кутузова, но весь народ требовал его назначения — и царю пришлось уступить. На вопрос окружающих, удастся ли ему справиться с Наполеоном, Кутузов уклончиво ответил:

— Наполеон может разбить меня, но обмануть — никогда.

Как и Барклай де Толли, Кутузов продолжал отступать, и только около Можайска, под Бородиным, он решил дать сражение армии Наполеона.

Накануне Бородинской битвы Дурова узнала от Бурцева, что Вышемирский вместе с войсками Платова подходит к Бородину.

— Знаешь, — шутил Бурцев, — твой приятель Вышемирский — такой же монах, как и ты: не пьет и с красными девицами не знает.

Товарищи прозвали его средневековым рыцарем, посвятившим себя служению неизвестной даме сердца.

— Знаешь, — важно добавил Бурцев, — он к тому же масон.

Ночь перед боем была очень неспокойна для Дуровой. Ее палатка была плохо защищена, и она не могла уснуть ни на минуту. При первых признаках рассвета она вышла из палатки и попыталась согреться в движении. Лагерь оживал. И скоро грозные войска покрыли черной пеленой все поле.

Загремела канонада. И французы двинулись тучей.

Так как Наполеон направил все свои силы на левый фланг, во Кутузов, чтоб помочь и отвлечь силы Наполеона, приказал Платову с казаками обойти французов и напасть на них с тыла. Казаки полки понеслись как вихрь. Вышемирский, скакавший впереди своего полка, жалел, что ему не удалось повидаться с Дуровой после такой долгой разлуки, и сильно беспокоился о ней, зная ее безрассудную храбрость. Но вот и лагерь Наполеона. Казаки лавой ворвались в него. Конница Мюрата кинулась в контратаку, и все смешалось в жесточайшей схватке. Торжество смерти! Вышемирский зашатался и упал лицом на шею лошади. Пуля пробила ему грудь. Рубившийся рядом с ним казак подхватил его на свое седло и, дав шпоры лошади, вынес с поля битвы. Подскакав

к лазарету, он передал Вышемирского лекаря. Последний, осмотрев Вышемирского, увидел, что он уже мертв. Тут же у лазаретной палатки положили Вышемирского на цыновку, и казак из его полка остался сторожить своего офицера, прикрыл шинелью его лицо и вытянувшееся тело.

Эскадрон Дуровой под командой Подъямпольского несколько раз ходил в атаку. День был холодный, дул резкий ветер. Дурова едва сгибала пальцы и с трудом держала пику. Она чуть не оглохла от дикого, непрерывного рева пушек. Шрапнели и пули свистели, визжали и как град осыпали улан, не обращающих на них внимания. Около Дуровой разорвалась бомба. Осколок так сильно ударил ее по ноге, что она на некоторое время потеряла сознание. Вахмистр, ехавший рядом с ней, не допустил ее упасть с лошади, поддержал и вывел из строя. Придя в себя и несколько оправившись, Дурова снова вернулась на свое место в строю. Ротмистр полагал, что пуля ударила Дурову наотлет, разрешил ей остаться в строю, где она находилась под огнем до самой ночи. Наступивший мрак прорезывали осветительные ядра, летящие мимо фронта русских войск. Наконец и эта забава кончилась! Полк отступил на несколько шагов и спешился. Но эскадрон Подъямпольского оставался на лошадях. Дурова была не в силах терпеть боль в контуженной ноге и получила разрешение Подъямпольского уехать в вагенбург (обоз). Проезжая мимо лазарета, она

увидела лежащие на циновке тела убитых и казака около них. Когда она наклонилась, всматриваясь, казак, встречавший ее в 1806 году, узнал молодого приятеля своего начальника и облякнул его так, как его звали тогда:

— Александр Васильевич, ведь начальника-то нашего, Григория Афанасьевича, убили. Вот он лежит.

У Дуровой потемнело в глазах. Она еле сошла с лошади. Казак откинул шинель, и она увидела вастывшее в мертвом покое такое знакомое лицо...

От горя и сильной боли Дурова не могла снова сесть на лошадь. К счастью, провожавший ее улан увидел подводу, везущую пустую бочку. Бочку сбросили, Дурова легла на солому, постланную на телеге, и почти потеряла сознание. Улан отнес ее в полковой лазарет, ведя коня ее Зеланта на поводу.

К концу дня Наполеон, объехав поле сражения, увидел, что французская армия понесла огромные потери, а наполовину поредевшие русские ряды стояли непоколебимой, грозной стеной. Зрелище это произвело на него такое впечатление, что он побоялся потерять свою старую гвардию и не ввел ее в бой, как предполагал раньше.

Кутузов, подсчитав ночью потери и желая сохранить живую силу русской армии, отступил на рассвете к Москве.

После совещания в Филях Кутузов приказал оста-

вить Москву и повед войска на Калужскую доро-
гу, к Малоярославцу.

Вечером войска остановились на ночлег в лесу. Задымились костры. Слышался неясный, сдержан-
ный говор. Ночь была холодная. Около одного из
костров сидела группа офицеров. Рядом с Дуро-
вой и Бурцевым сидел молодой белокурый, кругло-
лицый офицер небольшого роста. На нем были
артиллерийская на меху куртка и меховой картуз.
Бурцев заботливо укутал ноги Дуровой своей ши-
нелю, говоря, что ему жарко от костра. Ее била
лихорадка от контуженной ноги, и она полуле-
жала бледная, с закрытыми глазами. При свете
костра выделялась фигура Давыдова с курчавой
головой, блестящими глазами и живым лицом с
неправильными чертами.

— Да, придется тебе, Александра, недели две на
лошадь не садиться. Здорово тебя контузило! Ты
совсем осунулся и побледнел. На тебе лица нет.
Смотри, не расхворайся, — сказал Давыдов. —
Ты бы мне очень пригодился в моих пар-
тизанских валах, в которых ты уже однажды
так удачно мне помог. Кутузов сам теперь видит,
какое значение имеет наше нападение на фран-
цузов вместе с крестьянскими отрядами.

— Бездельствие для меня, Давыдов, сейчас
ужасно, — грустно ответила Дурова. — Как много до-
рогих людей потеряли мы в Бородинском сражении!

— Теперь не то время, чтобы долго сожалеть о
потере друзей, — сказал Бурцев, — потому что

всякий имеет опасение или надежду последовать за ними на другой же день, если еще не в эту ночь. В теперешней нашей жизни нет ничего такого необыкновенного и так мало обращающего на себя внимание, как смерть. Здесь ее владычество, здесь никто о ней не думает, не боится и в грош ее не ставит.

— Но и французы не забудут день Бородина, — подхватил молодой белокурый офицер.

— Да, — сказал Бурцев. — Но французы — честный враг. Подлый и гнусный враг — тот, кто убивает женщин и детей, как, например, баварцы.

— Славный, хороший ты человек, Вася! — сказала Дурова.

— Пьяницы все такие! — засмеялся Бурцев.

— Не клевети на себя, — прервал его Давыдов. — Может быть, там, у себя дома, ты таков, но здесь ты храбрейший офицер русской славно́й армии.

— Самые храбрые герои — это наши солдаты, — добавила Дурова. — Они храбры во время боя и великодушны с пленными после битвы.

— Да, плохое обращение с пленными недостойно бойца, — обратился Давыдов к белокурому офицеру. — Уважаю тебя, Александр Самойлович, за храбрость и находчивость во время военных действий, но не могу понять твоего лицемерия и коварной жестокости с пленными.

— А это все от того, что он называется не просто Фигнером, а еще бароном фон Руттербахом, — заметила Дурова.

— Я, кажется, просил никогда не говорить об этом. Я хочу быть Фигнером, и только Фигнером. Если на славных страницах истории нашей родины когда-нибудь промелькнет мое имя, пусть оно будет Фигнер, и только Фигнер.

— Тогда, — возразила Дурова, — вы должны перемениться. Для этого твои поступки должны быть достойны русского человека. Лицемерие не соответствует духу нашей армии.

— Помнишь, как ты взял в плен французского офицера? — перебил Давыдов. — Ты обошелся с ним ласково, подружился, все выведал у него, а когда он обедал с товарищами, подошел к нему сзади и убил из духового ружья.

— Такой поступок может сделать только барон фон Руттербах! — воскликнула с негодованием Дурова.

Фигнер вскопчил:

— Господин Александров, вам придется иметь дело со мной!

— Я буду его секундantom, — сказал Бурцев. — А теперь пойдем, Фигнер, да поговорим.

И он отвел его за руку в сторону:

— Если ты предпримешь что-нибудь против Алексаши, то знай, что несмотря на твою изворотливость тебе головы не сносить: за него стану горой не только я, но и весь полк, — и он крепко стиснул руку Фигнера. — Теперь же прикончи это дело.

— Ой, пусти! — отвечал, морщась от железного

пожатия, Фигнер. — Я и сам понимаю, что теперь не время ссориться с товарищами.

Когда они вернулись к костру, то застали там уже новое лицо. Это был молодой ополченец, у которого торчала из кармана маленькая тетрабочка.

— А, Жуковский! — сказал Бурцев. — Прочитай нам свои стихи, которые, я видел, ты сегодня писал под деревом.

— Как, ты пишешь стихи? Ну прочти же нам! — с волнением вскричал Давыдов.

— Это только наброски, — скромно отвечал Жуковский.

— В самом деле, прочти нам свои стихи, — обратился к нему Фигнер.

Жуковский вынул из кармана тетрадку и стал читать, сначала тихо, а потом все громче и увереннее. Подошли и солдаты, стали прислушиваться.

«На поле бранном тишина,
Огни между кострами;
Друзья, нам светит здесь луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой
Дружнее. Руку в руку,
Запьем вином кровавый бой
И с павшими разлуку...»

На голос чтеца собрались еще офицеры и среди них атаман Платов.

Жуковский приостановился. Окинул всех взглядом, и увидел восторженные лица, и услышал разгласы:

— Читай, читай дальше!

Жуковский продолжал наизусть, глядя на Платова:

«Хвала тебе, наш атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан —
Гроза для еупостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь.
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь:
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы,
Они лишь к мосту — мост исчез.
Лишь к селам — пынут села».

Когда Жуковский приостановился, Платов вволюнно обнял его и сказал:

— Ну, продолжай, продолжай, братец!

Жуковский перевернул страницу и закончил полным голосом, разнесшимся далеко по полю:

«Отчизне кубок сей, друзья...
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки.
Что вашу прелесть заменит,
О, родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?»

Когда он кончил, у всех на глазах блестели слезы, а Дурова с рыданием в голосе повторила:

«О, родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?»

Ко всем горестям, перенесенным Дуровой за последние дни, прибавились недоразумения с ее начальником Штапельбергом. Педантичный немец

отдавал распоряжения, которые исощали силы людей и не приводили ни к каким результатам. Так, эскадрон Дуровой, расположившийся на ночлег в одной деревушке, в час ночи был поднят по приказу Штакельберга и отправлен в соседнюю деревню, куда пришел только на рассвете, — и спать не пришлось совсем. К тому же до сведения Штакельберга дошло, что Дурова возмущается поведением баварцев и вообще недолюбливает немцев. Штакельберг стал к ней придираться, и дело кончилось тем, что он даже пригрозил ей расстрелом. Но энергичная натура Дуровой всегда искала выхода из создавшегося положения. Она решила проситься в ординарцы к Кутузову и написала Подьямполскому следующую записку: «Уведомьте полковника Штакельберга, что, не имея охоты быть расстрелянным, я уезжаю к главнокомандующему, при котором постараюсь остаться в качестве его ординарца».

Подъехав к палатке Кутузова, она обратилась к старшему адъютанту и просила пропустить ее к главнокомандующему. Адъютант пожелал узнать причину, но Дурова заявила, что может об этом доложить только самому Кутузову, и умоляла дать возможность увидеть главнокомандующего лично. Адъютант сжалился над бледным, взволнованным офицером и ввел его в палатку Кутузова, а сам вышел в переднюю. С чувством благоговения поклонилась Дурова седому герою, великому полководцу.

— Что тебе надобно, друг мой? — спросил Кутузов, пристально смотря на молодого офицера.

— Я желал бы иметь счастье быть вашим ординарцем во все продолжение кампании и приехал просить вас об этой милости, — взволнованно сказала Дурова.

— Какая же причина такой необыкновенной просьбы, а еще более способа, каким предлагаете ее? — удивленно возразил Кутузов.

Дурова рассказала, что заставило ее принять это решение, и, увлекаясь воспоминаниями незаслуженного оскорбления, говорила с чувством, жаром и в смелых выражениях.

— Родясь и выросши в лагере, посвятивши жизнь свою военной службе, имея репутацию храброго офицера, я не заслуживаю угрозы смертью...

Дурова остановилась как от полноты чувств, так и от некоторого замешательства, так как заметила, что при словах «храброго офицера» на лице главнокомандующего появилась легкая усмешка. Дурова угадала мысль его и, чтобы оправдаться, решила сказать все:

— В прусской кампании, ваше высокопревосходительство, все мои начальники так много и так единодушно хвалили смелость мою, и даже сам Буксгевден назвал ее беспримерной. После всего этого я считаю возможным назваться храбрым, не опасаясь быть сочтенным за самохвала.

— В прусскую кампанию? — изумился Кутузов. — Разве вы служили тогда? Который же вам год?

— Мне двадцать пять лет. В прусскую кампанию я служил в Конно-польском полку.

— Как ваша фамилия? — поспешно спросил главнокомандующий.

— Александров.

Кутузов встал и обнял Дурову, говоря:

— Как я рад, что имею удовольствие узнать вас лично! Я давно уже слышал о вас. Оставайтесь у меня, если вам угодно. Передайте дежурному генералу Коновницину, что я оставляю вас у себя бессменным ординарцем.

Дурова горячо поблагодарила и пошла было. Но Кутузов опять позвал ее:

— Вы хромаете? Отчего это?

— Я контужен ядром под Бородиным.

— Контужены от ядра, и вы не лечитесь?

Дурова отвечала, что контузия была очень легкая и нога у нее почти не болела. Она говорила неправду. На самом деле она чувствовала невыносимую боль, и нога ее была вся синяя.

Кутузов еще раз дружески пожал ее руку и сам проводил до выхода из палатки.

Дурова передала Коновницину распоряжение Кутузова о ее назначении ординарцем Кутузова. Коновницын сразу вспомнил проворного улана, который был послан на короткое время в Киев в качестве его ординарца и был самым быстрым и исполнительным. Он тотчас же послал Дурову на правый фланг армии. Когда последняя, быстро выполнив поручение, вернулась в штаб, Коновни-

цын, не зная, что она контужена, снова послал ее с поручением на другой фланг. Несясь на своем Зеланте, она погрузилась в глубокую меланхолию и поняла, что последние силы ее покидают. Вечером главнокомандующий велел позвать к себе нового ординарца.

— Ну что, — сказал Кутузов, взяв Дурову за руку, как только она вошла, — отдохнул ли ты? Что твоя нога?

Дуровой пришлось сказать правду, что нога ее болит до невыносимости и что ей трудно держаться на лошади.

Кутузов с сожалением посмотрел на ее бледное, осунувшееся лицо с лихорадочно блестящими глазами:

— Палатка ординарцев не для больных. Тебе там будет плохо ночью. По-настоящему тебе надо идти в лазарет, но так как ты боишься, что твоя тайна будет открыта, то предлагаю тебе остаться ночевать в моей палатке. Здесь тепло и тихо, я велю принести походную кровать для тебя и кадочку с горячей водой для твоей ноги. Мне же ты ничем не помешаешь.

Сказав это, Кутузов позвонил и, отдав распоряжение денщику, приказал подать себе лошадь и уехал.

Оставшись одна, Дурова пыталась снять сапог с больной ноги, но это ей не удалось, так как нога ее сильно распухла. Пришлось позвать денщика и попросить разрезать голенище сапога.

Денщик принес небольшой бочонок с горячей водой, поставил его около походной печки и задернул плотно занавес палатки. Оставшись одна, Дурова с удовольствием поставила больную ногу в горячую воду, стараясь не расплескать ее, и скоро почувствовала облегчение и приятную теплоту во всем теле. После этого она сняла свой узкий мундир и надела суконный теплый халат, оставшийся у нее от гусарских времен. Аккуратно сложила свои вещи и попросила денщика убрать кадочку. С удовольствием вытянулась она в чистой и мягкой кровати. Боль в ноге затихла, и она уснула как убитая. На другой день пришлось вставать на заре. Сесть на седло Дурова могла только с помощью денщика Кутузова. Войска двинулись дальше. К счастью для Дуровой, ей не пришлось в этот день много разъезжать. Кутузов приказал оставить корнета Александра при себе и не посылать его никуда. Кутузов снова уехал, и Дурова опять взяла свою ванну-кадушку для больной ноги. Но ей не стало легче, как накануне. Дурова, с трудом удерживая стоны, с ужасом думала о предстоящей ночи. Когда Кутузов возвратился в палатку, она закрыла глаза и притворилась спящей. Кутузов, стараясь не разбудить больную, быстро лег спать. Дурова же не могла заснуть: мысли одна безотраднее другой преследовали ее. Днем в сутолоке она старалась отгонять от себя воспоминания о смерти Вышемирского, но здесь горе захватило ее всю, и она

горько плакала, усилием воли подавляя рыдания, боясь разбудить Кутузова. Ночь казалась бесконечной. Лихорадка усилилась, нога вновь мучительно заныла.

Часам к двум ночи Кутузов, как все сердечно-больные, проснулся. Мысль о том, что царь Александр I будет губить тысячи жизней не за Россию, а из пустого тщеславия, не давала ему покоя.

Несмотря на большие потери во время сражения при Бородине, ему все же удалось сохранить русскую армию. Участь Наполеона ярко представлялась его взору. Могучая волна партизанского движения поднималась все выше и выше. Надо усилить ее. Пусть Денисов и другие во главе небольших отрядов при помощи крестьян-партизан уничтожают по частям войска Наполеона, а пока Наполеона надо задержать в Москве.. В это время он услышал сдавленные рыдания Дуровой. Кутузов быстро встал и при тусклом свете ночника увидел, что Дурова закрыла лицо платком и зажала дыхание, боясь, что это она разбудила его.

— Что, голубчик, нога не дает покоя? — спросил он.

— Простите, что я разбудил вас, — взволнованно заговорила Дурова. — Боль превышает мои силы.

— Нет, нет, это не ты разбудил меня. Я всегда в это время просыпаюсь: последние два года мое больное сердце тревожит меня каждую ночь в эти

часы. В шкафчике походной печки есть горячая вода. Сейчас мы с тобой выпьем чайку и согреемся, а то тебя, я вижу, лихорадит. Да дай я накрою тебя еще пледом.

Бесшумно двигаясь в своих ночных туфлях, он подкатил маленький круглый столик на колесиках к изголовью Дуровой и придвинул свою табуретку. Налив чаю, он грузно опустился на сиденье. Когда Дурова выпила свою кружку чаю, Кутузов, пристально посмотрев на ее бледное лицо и красные от слез глаза, сказал:

— Я давно уже хотел просить тебя рассказать о твоей жизни и о том, что бы ты хотел для себя в дальнейшем. Ни ты, ни я — мы сейчас все равно не заснем. А днем поговорить у нас не будет времени.

Дурова рассказала всю свою жизнь Кутузову, а также не утаила от него своей любви к Вышемирскому; рассказала она и о его смерти под Бородиным. На этом месте ее рассказ прервался слезами. Кутузов взял ее руку и, тихо поглаживая, сказал:

— Не плачь, он умер за родину славной смертью героя. Ему даже можно завидовать.

Он продолжал сидеть около нее, пока ее слезы не стихли и она не заснула.

Кутузов же больше не ложился и долго еще писал письмо царю Александру. «Бездушный комедиянт», — шептали его губы.

При первых лучах солнца адъютант, вошедший для доклада, увидел Кутузова уже в форме, готовым к походу. Дурову же положили в лазаретную фуру, так как ехать верхом она не могла.

Штакельберг, раздосадованный самовольным уходом Дуровой из полка, явился к начальнику штаба генералу Беннигсену и рассказал ему о поступке Дуровой, добавив, что, к своему удивлению, он узнал, что корнет Александров — женщина. А Беннигсен, один из видных представителей немецкой партии, понял, что ему представляется удобный случай очернить Кутузова в глазах царя. Беннигсен приказал своему адъютанту узнать подробности о корнете Александрове и немедленно сообщить ему. Он не знал, известно ли Кутузову о том, что корнет Александров — женщина, и решил, на всякий случай, доложить ему об этом.

На другой день, оставшись наедине с главнокомандующим, Беннигсен почтительно доложил ему, что его новый ординарец, Александров, — не то лицо, за которое он себя выдает, а Надежда Дурова-Чернова. К этому он добавил, что Штакельберг недоволен уходом Александровой без разрешения командира. Кутузов внимательно посмотрел на хитрое лицо Беннигсена и сказал сурово: — Я знаю ординарца Александрова, георгиевского кавалера. Офицерский чин и фамилия даны ему самим государем. Запомните, что Надежды Дуровой-Черновой у нас в армии нет. Полковнику

Штакельбергу я прошу передать, что у него в полку непорядки. Некоторые из его офицеров бьют солдат, которые геройски сражаются за свою родину. Скажите ему, что если я услышу еще раз об этом, то он будет расстрелян..

Вечером адъютант Беннигсена доложил Штакельбергу, что Александров в настоящее время болен и находится не с остальными ординарцами, а в палатке самого главнокомандующего, который заботится о нем, как родной отец: денщик Кутузова делает Александрову ванну для ноги, а обедает он и пьет чай вместе с самим Кутузовым. В голове Беннигсена сейчас же созрел определенный план. Вечером он написал письмо царю о том, что корнет Александров (Дурова-Чернова) находится в палатке Кутузова, окружен всяческим комфортом и очарованный главнокомандующий не оставляет Дурову ни на минуту. О контуженной ноге Дуровой он «скромно» умалчал. Призвав адъютанта, Беннигсен сказал:

— Отправляйтесь пораньше утрѳом и лично передайте мое письмо царю.

Заинтересованный причиной спешного поручения, адъютант, недолго думая, осторожно распечатал на парѳ письмо, прочитал и снова старательно запечатал. Содержание письма его сильно заволновало. Выходило, что он является соучастником гнусной клеветы на доблестного полководца. После мучительного раздумья он принял определенное решение. На рассвете он отправился в палат-

ку Кутузова и просил принять его по нестложному делу. Войдя к нему, он увидел Кутузова, сидящего у своего письменного столика. Вздвонзвано, вполголоса, чтобы не разбудить спящего Александрова, объяснил адъютант причину, заставившую его придти, и просил указать, как ему поступить в данном случае.

— Поезжай, друг мой, туда, куда тебя посылают, — с добродушной улыбкой сказал Кутузов, — и ни о чем не беспокойся: происки Беннигсена мне не страшны. А о нашем разворе никто никогда не узнает.

По прибытии в Малоярославец Кутузов остановился в просторном доме. Дуровой была отведена комната рядом с ним. Она ннкуда не выходила, так как от боли в ноге и продолжительного пути совершенно ослабела. Вечером Кутузов, зайдя справиться о ее здоровье, поразился ее ужасающей бледности и лихорадочно блестящим глазам.

— Поезжай домой, — сказал Кутузов, смотря на Дурову с состраданием. — Ты очень болен, тебе надо серьезно лечиться. Поправишься и приедешь ко мне обратно.

Глубокое чувство горести охватило Дурову.

— Как мне ехать домой, — сказала она, — когда теперь ни один человек не оставляет армию.

— Что же делать! Ты болен. Разве лучше будет, когда останешься где-нибудь в лазарете? Сейчас у нас временное затишье, но скоро начнут

ся бои, и тогда что будет с тобой? К тому же я хочу предупредить тебя, — продолжал Кутузов, — Беннигсен послал донос царю, что я не оставляю тебя ни днем, ни ночью и что ты моя фаворитка. Пока царь начнет расследовать это дело, ты будешь у отца, и слухи сами собой прекратятся.

При последних словах Дурова вся вспыхнула. Кутузов при виде ее волнения старался успокоить ее.

— Не огорчайся, друг мой, — говорил он. — Ты знаешь: тебе больше дано, чем другим. Ты первая из русских женщин добилась свободы, храбро сражалась за свою родину. Какое значение для тебя может иметь эта нелепая клевета? Пройдут года, столетия, а имя Надежды Дуровой будет произноситься миллионами женщин и мужчин с восторгом и гордостью. В повестях, романах, на сцене ты оживешь. Грань времен сотрется, и зрители будут рукоплескать твоему образу, как живому. И пока будет жить русский народ, память о первом войне-женщине не исчезнет.

На другой день Кутузов подал Дуровой дорожную и деньги на проезд.

— Приготовься к отъезду на завтра, друг мой. Если в чем будешь иметь надобность, пиши прямо ко мне. Я сделаю все, что от меня будет зависеть. Передай привет твоему отцу. Побереги себя и возвращайся ко мне весной бодрой и здоровой. Завтра я буду занят, простимся же сегодня, — с

этими словами он обнял и поцеловал Дурову, с отеческой нежностью.

Рано утром Дуровой подали тройку лошадей. Ее провожали товарищи. Бурцев проливал горькие слезы, прощаясь со своим Алексашей. Дуровой предстоял долгий путь на перекладных. Если бы она была здорова, то дорога доставила бы ей одно удовольствие: быстрая езда, смена впечатлений и предстоящее свидание с любимым отцом и родными. Но Дурова была очень больна, от каждого толчка нога ныла, и о быстрой езде не приходилось думать. Тащились медленно, на ночь останавливались на грязных станциях. Стояла глубокая осень с дождями и грязью. Недалеко от Казани, приехав поздно вечером на почтовую станцию, Дурова так плохо себя почувствовала, что не стала ни закусывать, ни пить чай, а легла сразу за перегородкой. Скоро она впала в тяжелую дремоту. Громкий разговор разбудил ее. Трое собеседников оживленно разговаривали между собой. Предмет их беседы заинтересовал Дурову. Они говорили, что в полку появилась женщина-воин. Ходят самые различные слухи, говорили они. Одни считают, что она молода и прекрасна. Другие, — что она безобразна. Одни говорят, что она служит в казачьем полку, другие, — что она гусар. Ясно только, что в армии есть женщина-воин.

— О девице-кавалеристе я слышал давно, — возразил спокойный и уверенный баритон. — Я не-

вербуржец и имеет более точные сведения, чем вы, друзья. Она еще в прусскую кампанию отличилась при Гутштадте: спасла жизнь одному нашему петербургскому офицеру — Панину, а при стеснении от Фридлянда она спасла еще другого офицера, контуженного в голову. Он отстал, ездил по полю, охваченный безумием, и кричал, что он потерял голову. Движимая состраданием, храбрая девица взяла его лошадь под уздцы, под градом пуль обмыла ему голову водой у ручья и догнала вместе с ним ушедший вперед полк. За исключительную храбрость царь наградил ее георгиевским крестом и произвел в офицеры.

На этом речь была прервана зрителем, который сообщил одному из собеседников, что его лошади готовы.

— Продолжайте ваш интересный рассказ, — говорил голос, по которому Дурова с испугом узнала своего бывшего сослуживца, гусара Сенявина, влюбленного в ее приятельницу Олечку Р. (которая когда-то неудачно увлеклась Дуровой).

Чтобы положить конец разговору, грозящему открыть ее тайну, она окликнула Сенявина и позвала его к себе за перегородку.

— Алехсанд! — радостно воскликнул Сенявин, обнимая товарища. — Вот не ожидал встретить тебя здесь! Куда и откуда?

— Контужен под Бородиным и еду к отцу в Сарапул на поправку.

— А я ранен в руку и отпущен на действующей армии тоже на поправку и еду к жене в Казань. Через полгода после твоего отъезда я женился на Олечке Р. Ты знаешь, что она отказала многим женихам, увлекаясь тобой. Это не секрет. Я добился ее расположения тем, что после твоего отъезда много и восторженно говорил о тебе. Она слушала меня с грустью в прекрасных темносиних глазах. Однажды, когда я, борясь со своим все усиливающимся чувством любви к ней, пришел после некоторого перерыва, она почувствовала, что ей недостает моего присутствия, и через несколько месяцев мы поженились. Как довольна она будет, когда узнает, что ты остался жив после этой ужасной кампании! Она ожидает ребенка, и если это будет сын, то мы решили назвать его Александром — в честь тебя.

В это время собрался уезжать в Петербург и пожелал проститься с Сенявиным.

— Ах, — сказал последний, — встреча с товарищем помешала мне послушать ваш рассказ о необыкновенной амазонке.

— Я, — отвечал офицер, — сообщил уже все, что сам знал. Остается добавить, что царь разрешил ей остаться воином, назначил ее в гусарский полк и дал ей фамилию Александра. — и с этими словами он вышел.

Сенявин и Дурова замерли: первый — от нум-

ления, а последняя — от того, что ее тайна открылась Сенявину.

Когда офицер уехал, Дурова, чтобы нарушить охватившее обоих смущение, сказала с улыбкой:

— Дорогой друг, если у твоей жены будет не сын, а дочь, то в честь меня придется назвать ее Надеждой. А тебя я попрошу относиться ко мне, как и раньше, как к боевому товарищу, каким я в действительности и являюсь. Даже сам я в мыслях не обращаюсь к себе, как к женщине. Попелуй от меня Олечку, теперь-то я смело могу просить тебя об этом.

— Ах, Алексаша! — воскликнул Сенявин. — Я так счастлив твоей дружбой! Ты самый дивный человек, какой может встретиться в нашем мире! — восторженно закончил он.

После этого они еще долго беседовали, пока Дурова пила чай и закусывала.

Когда подали лошадей, Сенявин, увидев, как трудно Дуровой двигаться, взял ее укутанную на руки, снес осторожно по лесенке и усадил в бричку. Тройка давно уехала, а Сенявин все смотрел ей вслед.

Когда Дурова подъезжала к суровым лесистым берегам Камы, выпал снег, подморозило, и от соседней станции пришлось ехать на розвальнях по первопутку. Заискрились белоснежные поляны, захрустел под полозьями снег, лес окутался снежной пылью. Чутко подрагивали ушами лоша-

ли, услышав голодный вой волков, которые стаями выходили в лунные ночи на добычу.

Странное чувство охватило Дурову: любовалась она окружающей природой, радовалась предстоящему свиданию с отцом, и в то же время глубокая грусть сжимала ей сердце: из писем отца она уже знала, что матери нет в живых, что братишке ее уже 14 лет и его надо пристроить. При виде красивых мест, таких родных, воспоминания об улетевших днях жизни охватили ее всю, и она ясно почувствовала, что ее юность также улетела, и жизнь представилась ей в суровой наготе, без тех прикрас, которые являются неотъемлемым признаком юности. Поздно ночью приехала Дурова в Сарапул. Открыла ей единственная прислуга Наталья, сильно постаревшая. Она не узнала Дурову. Когда последняя объяснила ей, что она ее «барышня Надя», то Наталья совсем растерялась и не знала, как к ней обратиться: то звала ее Надюшей, то «высокородием» — и окончательно запуталась.

Все спали, и Дурова приказала не будить отца и не говорить о ее приезде. Утром отец принял свою Надю со слезами радости... А восторгу брата Володи при виде героя-сестры не было предела.

Первое время Дуровой пришлось лежать без движения: лихорадка не оставляла ее, да и сама она была сильно изнурена. Пришлось лечиться. Но ежедневные ванны, компресс для ноги, тепловое молоко с густыми сливками по утрам, пар-

ное молоко с черным хлебом и солью по вечерам восстановили ее силы. Дурова в шутку называла себя молочной пьяницей: так любила она молоко и так много его выпивала. Дурова стала не только выходить, но наняла на несколько месяцев быструю калмыцкую лошадеку, на которой разъезжала по гористым, таким родным берегам Камы. Здесь в детстве и юности носилась она на незабвенном своем Алкиде. Как только Дурова почувствовала себя здоровой, она сейчас же хотела вернуться в армию, но не одна, а с братом своим Володей. Но отец не соглашался отпустить дочь с мальчиком раньше весны. Тогда Дурова, которой так хотелось поскорее увидеть Кутузова, услышать его чарующий голос и быть снова соратницей его боевой жизни, написала Кутузову, что горит нетерпением возвратиться под славные знамена его: «Я не надеюсь иметь счастье стать под ними вместе с братом своим, потому что старый отец не хочет отпустить от себя незрелого строка на поле кровавых битв в такое суровое время года и убеждает меня, если можно, дождаться теплого времени, и я теперь совсем не знаю, что мне делать».

Вскоре она получила ответ, в котором Кутузов позволял ей дожидаться весны и не бояться мнения людей, потому что он был сам свидетелем ее храбрости и преданности родине. Дурова показала письмо отцу. Отец заплакал от радости, что соратник Суворова, знаменитый полководец, так

лестно отзывается об его Наде. Он взял письмо к себе и показывал всем и каждому с восторгом. Все это стесняло и раздражало Дурову. Она тихонько унесла письмо и спрятала у себя.

Наступила весна 1813 года. Промчались вешние воды, все зазеленело, и Надя принялась деятельно готовиться к предстоящему отъезду. Достали легкий, двухместный экипаж, и 1 мая на рассвете выехала Надя с братом и провожатым сначала в Казань, а потом в Москву. Дороги еще не установились. Дорога, как говорит русская пословица, — «не пройти, не проехать». Путники елещтащились в своем барском экипаже, который перед Казанью совершенно развалился, и его пришлось заменить простой телегой; быстрые калмыцкие лошадки лихо подхватили ее, и наши путешественники быстро прикатили в Казань, откуда Дурова с братом, отпустив лошадей и человека, поехала на перекладных в Москву.